

УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ КРИЗИС БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ В ОЦЕНКАХ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Статья посвящена анализу рефлексии антибольшевистских политических практик в годы Гражданской войны в исследовательской и мемуарной литературе русского зарубежья 1920–1930-х гг. Особое внимание уделяется дискуссии о проблеме организации работы органов законодательной и исполнительной власти.

Ключевые слова: Белое движение, русское зарубежье, историография, мемуаристика, государственное управление.

Выявление социально-политических причин поражения Белого движения являлось для представителей второй волны русской эмиграции не только исследовательской, но и острой политической проблемой. Высокая степень ее актуальности для самих авторов формирует в историографии и мемуаристике русского зарубежья 1920–1930-х гг. моду на поиск причин неудачи антибольшевистских вооруженных сил и определяет полемическую остроту разработки данной темы. Важнейшим предметом дискуссии в эмигрантской литературе представляется проблема государственного управления Белой России, к которой в своих исследовательских работах и воспоминаниях обращаются как представители военной и гражданской власти, принимавшие решения в годы Гражданской войны, так и рядовые военнослужащие и обыватели, испытывавшие на себе последствия политики, проводимой лидерами Белого движения.

Существенной проблемой, которую отмечают многие исследователи и мемуаристы, являлась организация аппарата управления. В частности член Особого совещания К.Н. Соколов констатирует, что административный хаос, вызванный непомерной раздутостью штатов, был характерен как для правительства Юга России, так

и для прочих антибольшевистских центральных органов власти, стремление которых работать «в государственном масштабе» не отвечало требованиям и условиям Гражданской войны¹.

А.С. Лукомский в своих воспоминаниях апеллирует к нехватке кадров для осуществления гражданской власти и законодательной деятельности, особенно на этапе образования Особого совещания в августе 1918 г. Так, например, мемуарист указывает на трудности, с которыми генерал М.В. Алексеев сталкивался при назначении начальников правительственных отделов: «...в районе Добровольческой армии подходящих (кандидатов. – С. Н.) было мало, а ехали к нам с большой опаской, так как в успех дела еще мало кто верил и не хотели рисковать»². Причину коррупции и прочих злоупотреблений власти в районах, контролируемых антибольшевистскими вооруженными силами, Лукомский опять же видит в кадровом дефиците и низком уровне оплаты труда чиновников. В то же время многочисленные организационные проблемы (главным образом, отсутствие должного количества вооружения и обмундирования) существенно тормозили процесс формирования государственной стражи, что также не способствовало преодолению коррупции и борьбе с должностными преступлениями³.

Рассуждая о проблемах в области государственного управления в Крыму в 1920 г., Г.В. Немирович-Данченко, возглавлявший отдел печати Гражданского управления врангелевского правительства, отмечает низкую эффективность решения данных проблем вследствие тотального избегания чиновниками судебного преследования за совершенные должностные преступления. По его мнению, недостаток репрессивного контроля административного аппарата приводил к тому, что увольнения чиновников отдельных ведомств не улучшали их работу и не производили «большого впечатления на оставшихся»⁴.

Реставрационные настроения в среде чиновничества, которому были в немалой степени свойственны бюрократический формализм и отчужденность от стремительно меняющейся общественной жизни, по свидетельству Г. Покровского, отнюдь не способствовали эффективному управлению на местах. Исследователь полагает, что в подобной ситуации при выборе из двух диктатур (бюрократической и большевистской) народ отдавал предпочтение противникам белых⁵.

Другой немаловажной особенностью антибольшевистского государственного управления В.А. Оболенский, занимавший с апреля 1918 г. по ноябрь 1920 г. пост председателя Таврической губернской земской управы, считает расширение административного

аппарата, в частности введение института уездных начальников, что, по мнению автора, не только требовало существенных затрат, но и не добавляло эффективности работе местной администрации, поскольку функции уездных начальников были определены нечетко, а практика назначения на данную должность пришлых чиновников отнюдь не способствовала установлению контакта между представителями власти и населением⁶. По свидетельству Оболенского, намерение относительно упрощения административного аппарата управления, необходимость которого осознавалась некоторыми государственными деятелями Белого движения, так и не было реализовано ни при А.И. Деникине, ни при П.Н. Врангеле⁷.

По мнению Врангеля, неопределенность и неустойчивость внутренней политики Деникина были главными причинами непопулярности Белого движения среди населения⁸, а отсутствие во власти чиновников, обладавших достаточным опытом и политической гибкостью, привело к значительному снижению эффективности государственного управления на Юге России⁹.

Анализируя ситуацию с управленческими кадрами, генерал-лейтенант Н.Н. Головин делает акцент на том, что административный аппарат Сибири состоял преимущественно из выходцев из Центральной России, поэтому стремления местного населения к сотрудничеству с белыми и установлению порядка отнюдь не всегда реализовывались¹⁰.

Рестаурация дореволюционных учреждений на территориях, занимаемых антибольшевистскими вооруженными силами, далеко не всегда обходилась без эксцессов. К примеру, преподаватель правоведения Киевского университета А.А. Гольденвейзер, вспоминая о возрождении киевской адвокатуры, акцентирует внимание на преследованиях в отношении служащих, работавших в период советской власти. Подобную практику мемуарист считает абсолютно нецелесообразной, поскольку, по его наблюдениям, адвокаты, идейно поддерживавшие большевиков, эвакуировались из Киева вместе с Красной Армией, в то время как травля затронула в основном молодых специалистов, вынужденных служить при красных ввиду отсутствия средств к существованию, а также сотрудников канцелярий, работавших на нейтральных должностях. По свидетельству Гольденвейзера, преследования в адвокатуре, сопровождавшиеся ростом антисемитских настроений в обществе и грозившие многим юристам исключением из профессионального сообщества, были через некоторое время прекращены лишь при активном противодействии «Адвокатской группы Союза Возрождения России»¹¹. С прискорбием один случай террора, произошед-

ший летом 1919 г. после занятия Одессы Вооруженными силами Юга России (далее – ВСЮР), причиной которого являлся только лишь факт службы гражданина у большевиков, вспоминает бывший гласный Одесской городской думы, адвокат С.Ф. Штерн. По его свидетельству, основанием для ареста и последующего расстрела правого эсера и идейного противника большевиков инженера Ф.С. Бернфельда стало указание кучера на то, что ранее Бернфельд занимал должность «комиссара городского водопровода»¹².

Признавая, что возрождение административных учреждений проходило отнюдь не без трудностей, Деникин в то же время обращает внимание на проблемы восстановления системы управления на территориях, освобожденных от большевиков, с которыми сталкивалась власть. По оценке главнокомандующего ВСЮР в период советской власти упразднению подверглись судебная и образовательная системы, а промышленность, сельское хозяйство и продовольственная система находились в глубоком кризисе. «Наконец, белый режим приносил свободу церкви, печати, всесословный суд и нормальную школу», – заключает Деникин¹³.

По свидетельству генерал-майора Б.А. Штейфона, командовавшего в годы Гражданской войны 17-м пехотным Белозерским полком ВСЮР, возврат к дореволюционной городской администрации, к прежним принципам управления на занятых белыми территориях был продиктован не реакционным характером политики, проводимой Деникиным, а необходимостью: учреждения периода Временного правительства не пользовались доверием населения, а военная власть в силу объективных причин была некомпетентна в вопросах организации городской жизни. Тем не менее автор отмечает ряд существенных недочетов в административной и хозяйственной деятельности белых, в частности практически полное отсутствие описи и распределения военной добычи, большая часть которой либо расхищалась, либо, оставаясь нетронутой, вновь перешла к большевикам¹⁴.

Особое место в историографии и мемуаристике русского зарубежья занимает дискуссия по вопросам законодательной политики Белого движения. Признавая массовый характер критики работы Особого совещания, занимавший в нем более года пост председателя Лукомский считает главным недостатком деникинского правительства отсутствие при нем законосовещательного органа, кафедры, «с которой раздавалась бы критика законопроектов или деятельности начальников управлений, а последние могли бы давать свои объяснения и разъяснения»¹⁵. По мнению мемуариста, существование при кабинете министров подобного органа пред-

ставляло бы его работу в глазах общественности в более выгодном свете и Особое совещание не воспринималось бы населением столь негативно.

Оценивая законодательную политику деникинского правительства, Оболенский отмечает устойчивую тенденцию к централизации законодательной власти на Юге России. Однако принципиальная позиция правительства в данном вопросе, по мнению автора, не всегда соотносилась со спецификой положения отдельных регионов в составе территорий, подконтрольных ВСЮР. Так, например, автор указывает на негативные последствия отмены в Крыму всех законов, установленных местным правительством, в том числе – снижение в 10–20 раз доходов от косвенных налогов, приведшее к задержкам выплат жалования служащим и, как следствие, росту недовольства политикой властей среди населения¹⁶.

Отмечая в целом прогрессивную роль городского положения, принятого Особым совещанием, Оболенский указывает на недостаточную степень разработки проекта положения о земских учреждениях, в котором отсутствовали правила участия в выборах в органы местного самоуправления. Стремление власти максимально отсрочить издание земского избирательного законодательства мемуарист связывает с недоверием правительства к крестьянскому населению, подозревавшемуся в симпатии к большевикам¹⁷.

Противоречивость и непоследовательность политического курса белых, по мнению Оболенского, имели крайне негативные практические последствия. Так, губернатор Крыма Н.А. Татищев, приверженец строгой служебной субординации, привыкший в своих действиях руководствоваться указаниями высшего начальства, получая крайне противоречивые сигналы из Екатеринодара, вскоре попал под влияние, с одной стороны, полицейского начальства, а с другой – крупных землевладельцев, преследовавших свои интересы. Результатом этого стало создание на средства последних карательного отряда, занимавшегося реквизициями в деревнях вплоть до расформирования подразделения по приказу генерала Я.А. Слащова¹⁸.

В то время как ряд исследователей в числе причин поражения Белого движения называют засилье реакционных элементов в руководстве армии, Оболенский не раз подчеркивал высокую степень влияния консервативно настроенных общественных и политических деятелей на принятие решений. К примеру, по свидетельству мемуариста, четверо из восьми членов первой комиссии по обсуждению земельной реформы, учрежденной по приказу Врангеля, являлись противниками каких-либо преобразований в области аграрной политики¹⁹.

В исследовательской и мемуарной литературе возникает идея того, что кризис административно-управленческой политики Белого движения был вызван не только отдельными ошибками законодательной и исполнительной власти, но и слабостью и неэффективностью государственного аппарата как такового, рождавшими на территориях, подконтрольных антибольшевистским вооруженным силам, атмосферу безвластия и беззакония. К примеру, Оболенский, давая оценку действиям ВСЮР под руководством генерала Деникина во второй половине 1919 г., склонен именовать данный этап антибольшевистского движения не военной диктатурой, а «периодом все усиливающейся военной анархии». Отдавая должное профессиональным военным качествам главнокомандующего и не подвергая сомнению искренность его политических побуждений, мемуарист тем не менее вынужден констатировать, что «...совершенно безразлично, одержала ли в “Особом совещании” победу группа М.М. Федорова и Н.И. Астрова или их правые враги, – полковникам на местах до этого не было дела. Они не признавали никаких властей, ни консервативных, ни либеральных, а, действуя по своему усмотрению, создавали атмосферу полной военной анархии»²⁰. Сходное предположение высказывает и Б. Штейфон²¹. Мемуарист особо отмечает вынужденное принятие военными на себя функций гражданской власти в 1919 г., происходившее по причине того, что фронт в своем движении опережал тыл²², и, безусловно, вызывавшее кризис в административно-управленческой системе Белого движения.

Кризис управления на территориях, подконтрольных антибольшевистским вооруженным силам, признается в историографии и мемуаристике русского зарубежья 1920–1930-х гг. как авторами, непосредственно ответственными за принятие административных решений в годы Гражданской войны, так и их критиками, наблюдавшими за процессом государственного управления со стороны. Основная дискуссия касалась вопроса о целесообразности восстановления дореволюционной системы управления. Ряд исследователей и мемуаристов признают подобную практику ошибочной, выделяя в качестве ее последствий чрезмерную централизацию государственного управления и стагнацию органов власти на местах. Их оппоненты апеллируют к тому, что реставрационная стратегия Белого движения была вызвана необходимостью, а на невысокую эффективность ее реализации оказывали влияние как объективные условия Гражданской войны (необходимость восстановления органов власти, ликвидированных большевиками, кадровый дефицит чиновников), так и организационные промахи белых (непомерная

раздутость штатов учреждений, значительный уровень коррупционного потенциала при отсутствии механизмов репрессивного контроля бюрократического аппарата). Характерной особенностью эмигрантской литературы является картина тотального бессилия власти, вызванного общей дестабилизацией обстановки в стране, в условиях которой реализация важнейших законов, организация эффективной системы управления представляются авторам неразрешимыми задачами.

Таким образом, в дискуссии о проблеме организации работы антибольшевистских органов законодательной и исполнительной власти, развернувшейся в эмиграции, обозначаются два конфронтационных подхода к оценке причин поражения Белого движения, характерных для исследовательской и мемуарной литературы русского зарубежья 1920–1930-х гг., которые можно обозначить как критический и апологетический. Постановка проблемы безвластия отражает ряд доминирующих тенденций в историографии и мемуаристике второй волны русской эмиграции о Белом движении, среди которых – стремление авторов к выявлению внутренних причин его неудачи и конструирование образа идеологической неоднородности и разобщенности антибольшевистских военных и политических сил.

Примечания

- ¹ См.: *Соколов К.Н.* Правление генерала Деникина // Белое дело: Кубань и Добровольческая армия. М.: Голос, 1992. С. 164–166.
- ² *Лукомский А.С.* Воспоминания: Период Европейской войны. Начало разрухи в России. Борьба с большевиками. М.: Айрис-пресс, 2012. Т. 2. С. 492.
- ³ Там же. С. 534–535.
- ⁴ *Немирович-Данченко Г.В.* В Крыму при Врангеле: Факты и итоги. Берлин; Мюнхен: Типография Р. Ольденбурга, 1922. С. 87.
- ⁵ См.: *Покровский Г.* Деникинщина: Год политики и экономики на Кубани (1918–1919 гг.). Берлин: Изд-во З.И. Гржебина, 1923. С. 106.
- ⁶ См.: *Оболенский В.А.* Крым при Деникине // Белое дело: Белый Крым: В 16 кн. Кн. 11. М.: РГУ, 2003. С. 30–31.
- ⁷ См.: *Оболенский В.А.* Крым при Врангеле // Там же. С. 97–98.
- ⁸ См.: *Врангель П.Н.* Записки. М.: ТЕРРА, 1992. Т. 2. С. 33.
- ⁹ Там же. С. 69.
- ¹⁰ См.: *Головин Н.Н.* Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. М.: Айрис-пресс, 2011. Т. 2. С. 319.

- ¹¹ См.: *Гольденвейзер А.А.* Из киевских воспоминаний // Архив русской революции: В 22 т. М.: ТЕРРА, 1991. Т. 6. С. 263–264.
- ¹² См.: *Штерн С.Ф.* В огне гражданской войны: воспоминания, впечатления, мысли. Париж: Русское книгоизд-во «Я. Поволоцкий и Ко», 1922. С. 136.
- ¹³ *Деникин А.И.* Очерки русской смуты: Вооруженные силы юга России: Заключительный период борьбы: Январь 1919 – март 1920. Минск: Харвест, 2002. С. 309.
- ¹⁴ См.: *Штейфон Б.А.* Кризис Добровольчества // Белое дело: Добровольцы и партизаны. М.: Голос, 1996. С. 343–347.
- ¹⁵ *Лукомский А.С.* Указ. соч. С. 559.
- ¹⁶ См.: *Оболенский В.А.* Крым при Деникине. С. 25.
- ¹⁷ Там же. С. 29.
- ¹⁸ Там же. С. 32–33.
- ¹⁹ См.: *Оболенский В.А.* Крым при Врангеле. С. 80–84.
- ²⁰ *Оболенский В.А.* Крым при Деникине. С. 13.
- ²¹ По словам мемуариста, «...возможно, что было бы еще полбеда, если бы добровольческая власть оказалась нетвердой или пристрастной: жизнь так или иначе приспособила бы даже и такую власть к нуждам населения. В действительности оказалось худшее: совсем не было власти. Если она и существовала, то обычно вдоль железнодорожных магистралей. Чуть-чуть отходил я в сторону, как неизменно встречал полное безначалие» (*Штейфон Б.А.* Указ. соч. С. 297).
- ²² Там же. С. 287–288.